

ВНИЗ, СКВОЗЬ ВЕТКИ И КОСТИ

Шеннон МакГвайр

18+

Шеннон Макгвайр
Вниз, сквозь ветки и кости
Серия «В каждом
сердце – дверь», книга 2
Серия «Миры Шеннон Макгвайр»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69284485

Вниз, сквозь ветки и кости: Эвербук/Дом историй; Москва; 2023

ISBN 9785005801371

Аннотация

Сестрам-близнецам Джек и Джил было по семнадцать, когда они нашли путь домой и покинули Дом Элинор Уэст для Непослушных детей.

Но сначала случилось вот что...

Жаклин была идеальной маминой дочкой – вежливой и тихой, всегда одетой как принцесса. Если мама иногда была строга, то только потому что для воспитания идеальной дочери требуется дисциплина.

Джиллиан была идеальной папиной дочкой – любительницей приключений и острых ощущений, в ней было что-то мальчишеское. Отец предпочел бы сына, но приходится довольствоваться тем, что есть.

Сестрам было по пять, когда они узнали, что взрослым доверять нельзя.

Им было по двенадцать, когда они спустились по невероятной лестнице и обнаружили, что притворной любви недостаточно, чтобы подготовить к жизни, полной волшебства, в стране, где живут безумные ученые и царят смерть и право выбора.

Содержание

Часть I. Живут на горке Джек и Джилл	6
1. Опасная привлекательность чужих детей	7
2. Практически идеальны абсолютно ни в чем	19
3. Они растут так быстро...	36
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Шеннон МакГвайр

Вниз, сквозь ветки и кости

Видимо, там действовали какие-то другие законы. Все было по науке, но наука была как магия. Там никто не спрашивал, можно ли сделать то-то или то-то. Речь шла только о том, нужно ли это делать, и ответ всегда, всегда был один – «да».
Джек Уолкотт

*Идут на горку Джек и Джилл,
Идут за водой, с ведерком.
Свалился Джек и лоб разбил,
Джилл следом слетела с горки.*
Английский фольклор¹

Down Among the Sticks and Bones © 2016 by Seanan McGuire

© 2017 by Seanan McGuire

© Олейник А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке ООО «Эвербук», Издательство «Дом Историй», 2023

Часть I. Живут на горке Джек и Джилл

1. Опасная привлекательность чужих детей

Всякий, кто был достаточно знаком с четой Уолкоттов, поставил бы на то, что Серена и Честер никогда не соберутся завести детей. Им совершенно не подходило быть родителями. Работая дома, в своем кабинете, Честер наслаждался тишиной и одиночеством и малейшее отклонение от установленного порядка воспринимал как чудовищное и непростительное нарушение оного. Дети были бы куда серьезнее «малейшего отклонения». В налаженном распорядке дня дети были бы все равно что ядерный взрыв. Серена входила в

правление нескольких благопристойных общественных организаций и наслаждалась садоводством, предпочитая платить другим людям за то, чтобы они поддерживали ее дом в безупречном состоянии. Дети означали бардак повсюду. Потоптанные петунии и разбитые бейсбольными мячами окна – нет, детям не было места в тщательно упорядоченном мире, в котором обитали Уолкотты.

Но эти рассуждения не учитывали, что в юридической фирме Честера его партнеры приводили на работу своих сыновей. Это были благообразные маленькие копии своих отцов, в приличествующей случаю одежде, будущие короли мира в идеально начищенных туфлях, с идеально поставленным интонированием. Он наблюдал со все возрастающей завистью, как младшие партнеры приносят фотографии спящих сыновей и получают похвалы – и за что? За размножение! Но ведь это настолько примитивный процесс, что с ним справляется любое животное!

По ночам ему стали сниться идеально воспитанные маленькие мальчики в *так* аккуратно застегнутых пиджаках, с его волосами и с глазами Серены, и его партнеры, весьма одобрительно взирающие на это доказательство того, что он действительно семейный человек.

Эти рассуждения не учитывали, что некоторые женщины из правлений, куда входила Серена, иногда приводили с собой своих дочерей, извиняясь за некомпетентных или заболевших нянь, но втайне торжествуя при виде того, как все

спешат *поохать* и *поохать* над их прелестными малышками. Эти привилегированные дочки своих родителей из высшего общества, в платьицах из кружева и тафты, сами по себе были словно цветущий сад; на вечеринках и чаепитиях они мирно играли на коврике – кормили кукол воображаемым печеньем, обнимали свои мягкие игрушки. Все, кого знала Серена, непременно принимались хвалить этих женщин за самоотверженность – и за что? За рождение ребенка! Но ведь родить ребенка настолько просто, что люди делают это с начала времен!

По ночам ей стали сниться прелестные крепенькие малышки с ее губами и носом Честера, в платьях с оборками и сверкающими безделушками, и дамы, спотыкающиеся друг о дружку, лишь бы первыми успеть сообщить ей, какая у нее чудесная дочь.

Вот в этом, как вы понимаете, и заключается истинная опасность детей: это сплошная засада – всякий и каждый отдельный ребенок. Люди смотрят на чье-нибудь чадо и видят только его внешность, начищенные туфли или идеальные кудряшки. Но им не видно слез и истерик, бесконечных ночей, бессонных часов и переживаний. На самом деле люди не видят и любви тоже. Когда смотришь на детей со стороны, так легко поверить, что они, как послушные куклы, созданы и запрограммированы своими родителями вести себя определенным образом, следуя определенному набору правил.

Так легко, с высоты зрелого возраста, не помнить о том,

что каждый взрослый когда-то был ребенком со своими собственными мыслями и устремлениями.

Так легко, в конце концов, забыть, что дети – это люди и эти люди будут делать то, что будут делать люди, наплевав на последствия.

В аккурат после Рождества – после бесконечной круговерти офисных вечеринок и благотворительных мероприятий – Честер обратился к Серене:

– Есть кое-что, что я хотел бы с тобой обсудить.

– Я хочу завести ребенка, – ответила она.

Честер ненадолго растерялся. Он был человеком, который жил согласно установленным правилам, и его жена жила согласно установленным правилам, и они вели упорядоченную жизнь согласно установленным правилам. Он не привык, чтобы жена так откровенно говорила о своих желаниях, как и к тому, что у нее вообще есть желания. Такая откровенность обескураживала... но и возбуждала, если быть честным.

Наконец он улыбнулся и сказал:

– Как раз об этом я и хотел с тобой поговорить.

В нашем мире есть люди – хорошие, честные, трудолюбивые, – которые очень хотят ребенка и которые годами безуспешно пытаются забеременеть. Есть люди, которым приходится на приеме у доктора в маленьком стерильном кабинете выслушивать шокирующие известия о том, во сколько им обойдется всего лишь проблеск надежды. Есть люди, ко-

торым приходится отправляться в путешествия, ловить северный ветер, чтобы спросить у него, где найти Лунный дом, в котором, говорят, любое желание сбудется, если только прийти в нужное время и желать достаточно сильно. Есть люди, которые будут пытаться снова и снова и не получат ничего, кроме разбитого сердца.

Честер и Серена поднялись в свою спальню, легли на кровать, и Честер не надел презерватив, а Серена не стала ему напоминать, вот и все.

Наутро она перестала принимать противозачаточные. Спустя три недели менструальный цикл, приходивший как по часам с тех пор, как ей исполнилось двенадцать, так и не начался. Спустя еще две недели она сидела в маленьком белом кабинете и любезный мужчина в длинном белом халате сообщил ей, что она станет мамой.

– Как скоро мы сможем получить снимок нашего ребенка? – спросил Честер, уже рисующий в воображении, как покажет его сотрудникам в офисе, – поднятый подбородок, отсутствующий взгляд – будто он представлял, как играет в мяч со своим будущим сыном.

– Да, как скоро? – спросила Серена. Когда кто-то приносил показать остальным очередную сонограмму, женщины всегда вскрикивали от умиления. Как было бы прекрасно наконец оказаться в центре внимания!

Доктор уже имел дело с нетерпеливыми родителями.

– Примерно через пять недель, – улыбнулся он. – Я не ре-

комендую делать ультразвук до двенадцатой недели, если все идет нормально. К тому же это ваша первая беременность. Лучше подождать и пока никому не говорить, что вы беременны. Сейчас все выглядит хорошо, но срок еще слишком маленький, и если что-то пойдет не так, вам не придется пожалеть о том, что рассказали.

На лице Серены отразилось недоумение. Честер был в бешенстве. Даже *предположение*, что у его жены может что-то пойти не так во время беременности – в этом настолько простом деле, что в нем может преуспеть любая глупая девица с улицы, – было в такой степени оскорбительным, что он потерял дар речи. Но доктора Тозера с большим воодушевлением рекомендовал один из партнеров по бизнесу, так что Честер просто не видел способа, как можно сменить доктора и при этом не обидеть кое-кого важного, кого не стоит обижать.

– Значит, на двенадцатой неделе, – сказал Честер. – Что нам делать до тех пор?

Доктор Тозер рассказал им. Витамины, правильное питание и книги, очень много книг. Судя по количеству «прописанных» книг, этот человек думал, что их ребенок будет самым трудным ребенком в истории человечества. Но они послушно сделали все, как он сказал, словно воспроизводя последовательно и аккуратно части магического заклинания, которое должно было материализовать идеального ребенка прямо им в руки. Они ни разу не обсудили между собой, кого они ждут больше – мальчика или девочку, оба были настоль-

ко уверены, кто это будет, что не видели необходимости в таком разговоре. Так, пока Серена мечтала о дочке, Честер каждый вечер засыпал с мыслями о сыне, и некоторое время они были уверены, что скоро они станут родителями и все у них будет идеально.

Конечно, они не прислушались к совету доктора Тозера держать беременность в тайне. Ведь хорошими новостями непременно следует поделиться. Их друзья, которые не представляли их в роли родителей, пришли в замешательство, но поддержали их. Коллеги, которые не знали Уолкоттов в достаточной степени, чтобы понимать, насколько это плохая идея, отнеслись с восторгом.

Честер и Серена покачали головами и иронично заметили вслух, что стало понятно, кто их «настоящие» друзья.

На заседаниях правления Серена довольно улыбалась – все вокруг говорили ей, как она прекрасна, что она вся цветет, что материнство «красит ее».

В офисе Честера некоторые партнеры стали заходить к нему «просто поболтать» о предстоящем отцовстве, они давали советы, предлагали помочь по-товарищески, если что.

Все было идеально.

Они пришли на первое УЗИ вместе, и Серена держала Честера за руку, пока специалистка смазывала ей живот голубоватым желе и водила наконечником вдоль и поперек. Начало появляться изображение. Впервые Серену царапнуло беспокойство. Что, если с ребенком что-то не так? Вдруг доктор

Тозер был прав и о беременности не стоило никому рассказывать, по крайней мере некоторое время?

– Итак? – спросил Честер.

– Вы, видимо, хотите узнать пол ребенка? – спросила специалистка.

Он кивнул.

– У вас идеальная малышка, – сказала специалистка.

Серена залилась счастливым смехом, который замер, едва она заметила угрюмое лицо Честера. Неожиданно все то, что они не обсудили, обступило их со всех сторон, заполнив кабинет целиком.

Специалистка ахнула.

– Определяется второе сердцебиение, – сказала она.

Супруги уставились на нее.

– Двойняшки, – пояснила она.

– А второй ребенок мальчик или девочка? – спросил Честер.

Специалистка замешкалась.

– Первый ребенок закрывает обзор, – наконец сказала она. – Трудно сказать наверняка...

– Предположите, – сказал Честер.

– Боюсь, было бы неэтично с моей стороны делать какие-либо предположения на данном этапе, – ответила специалистка. – Я поставлю вам следующее УЗИ через две недели. Дети двигаются в утробе матери. Возможно, обзор будет лучше.

Но лучшего обзора не случилось. Первый младенец упорно держался спереди, а второй младенец упорно держался сзади, и Уолкотты добрались до родильного отделения – конечно, согласно предполагаемой дате, которая была выбрана по взаимному согласию и отмечена в еженедельнике, – твердо надеясь, что они вот-вот станут гордыми родителями сразу и сына, и дочери, укомплектовав свою нуклеарную семью с первого раза. Они оба немного гордились этой идеей. Она выглядела эффективной, как если бы выдать идеальное решение с ходу.

(Мысль о том, что малыши превратятся в подростков, а подростки – в *людей*, никогда не посещала их. Понимание, что биология не предопределяет все и что не все маленькие девочки станут прекрасными принцессами и не все маленькие мальчики станут храбрыми солдатами, также никогда не посещало их. Все могло бы быть гораздо проще, если бы эти идеи, нежеланные, но определенно важные, когда-либо закрались им в головы. Увы, они для себя уже давно все решили, и подобным революционным представлениям просто не было места.)

Роды длились дольше, чем планировалось. Серена была согласна на кесарево сечение только в самом крайнем случае – ей не хотелось, чтобы остался шрам, так что она тужилась, когда ей говорили тужиться, расслаблялась, когда говорили расслабиться, и за пять минут до полуночи пятнадцатого сентября она родила первое дитя. Передав ребенка мед-

сестре, доктор объявил: «Девочка», — и снова склонился над пациенткой.

Честер, который до последнего надеялся, что их скрывавшийся мальчик все-таки пробьется вперед и получит почетное звание первенца, ничего не сказал; он держал жену за руку, слушая, как она тужится, чтобы исторгнуть на свет второго ребенка. У нее было красное от натуги лицо, а звуки, которые она издавала, подходили скорее животному, чем человеку. Это было ужасно. Он не мог представить обстоятельства, при которых он когда-либо снова прикоснется к ней. Нет, хорошо, что они рожают обоих детей сразу. Таким образом, на этом все и закончится.

Шлепок, громкий плач; и голос доктора, с гордостью объявляющий: «Еще одна здоровая малышка!»

Серена потеряла сознание.

Честер позавидовал ей.

* * *

Немного погодя, когда Серена отдыхала в своей отдельной палате, а Честер сидел с ней рядом, медсестры спросили, хотят ли они познакомиться со своими дочурками, и они ответили, что да, конечно. Разве они могли ответить иначе? Они стали родителями, а эта роль связана с определенными ожиданиями. Есть родительские *обязанности*. Если они не будут соответствовать этим ожиданиям, то общество сочтет

их непригодными для роли родителей, а последствия этого были бы, ох...

Лучше было об этом не думать.

Медсестры вернулись с двумя краснолицыми безволосыми существами; они скорее походили на червяков или гоблинов, чем на людей.

– По одной для каждого, – промурлыкала медсестра и вручила Честеру туго спеленутого ребенка как самую обычную вещь на свете.

– Вы уже придумали имена? – спросила другая, вручая Серене второго младенца.

– Мою маму звали Жаклин, – осторожно сказала Серена, глядя на Честера. Естественно, они обсуждали имена, одно для девочки и одно для мальчика. Они и предположить не могли, что придется давать имена двум девочкам.

– Жену нашего главного партнера зовут Джиллиан, – сказал Честер. Если бы он захотел, он мог бы заявить, что так зовут его маму. Никто бы не узнал. Никто никогда бы не узнал.

– Джек и Джилл, – улыбнувшись, сказала первая медсестра. – Мило.

– Жаклин и Джиллиан, – поправил Честер холодно. – Моих дочерей никто не будет называть уменьшительными именами – это унизительно и недостойно.

Улыбка медсестры померкла.

– Конечно, – ответила она, на самом деле имея в виду «конечно будут» и «сами скоро увидите».

Серена и Честер Уолкотты стали жертвами опасной привлекательности чужих детей. Скоро они осознают свою ошибку. Не они первые.

2. Практически идеальны абсолютно ни в чем

Дом Уолкоттов располагался на вершине холма в центре модного района, где все дома походили один на другой. Ассоциация домовладельцев разрешала только три цвета домов (хотя многие жители считали, что и два цвета слишком много), а также тщательно выверенный набор заборчиков и живых изгородей вокруг лужайки перед домом и еще маленьких, относительно спокойных собачек из крайне короткого списка одобренных пород. Большинство жителей предпочитало вообще не заводить собаку, лишь бы не иметь де-

ло со сложным процессом заполнения разрешений и заявлений, требуемых для будущих владельцев. Все эти согласования создавались вовсе не для ограничений, но лишь для спокойствия местных жителей, чтобы они могли расслабиться в идеально упорядоченном мире. Ночью здесь было тихо. Безопасно. Надежно. За исключением, конечно, дома Уолкоттов, где тишина разбивалась вдребезги здоровыми воплями пары наборов развивающихся легких. Серена сидела в гостиной, беспомощно глядя на кричащих младенцев

– Вам уже дали бутылочку, – говорила она им. – Вам сменили пеленки. С вами прогулялись вокруг дома, и я укачивала вас и пела вам эту ужасную колыбельную про волчка. Почему вы до сих пор *плачете*?

Жаклин и Джиллиан, которые плакали по какой-то из многочисленных причин, по которым плачут младенцы – или им холодно, или они расстроены, или их выбило из колеи существование гравитации, – продолжали вопить. Серена смотрела на них в полном смятении. Никто не предупреждал ее, что дети будут *плакать* все время. О, что-то такое было в тех книжках, что она читала, но она думала, что сказанное относится к плохим родителям, которые не смогли принять надлежащих мер в обращении со своим отпрыском.

– Ты можешь их заткнуть? – потребовал из-за спины Честер.

Ей не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что он стоит в дверях в домашнем халате и хмуро глядит на всех

троих, словно это ее вина, что дети как будто созданы для того, чтобы кричать без остановки. Он тоже был причастен к появлению дочерей, а теперь, когда они тут, абсолютно все хлопоты с ними переложил на нее.

— Я пыталась, — ответила она. — Я не знаю, чего им не хватает, а они не могут мне сказать. Я не... Я не знаю, что делать.

Честер практически не спал вот уже три дня. Он начал опасаться, что скоро это начнет сказываться на его работе, и привлечет внимание партнеров, и выставит его и его родительские способности в невыгодном свете. Возможно, это было отчаяние, а возможно, редчайший момент абсолютной ясности.

— Я звоню матери, — сказал он.

Честер Уолкотт был третьим и самым младшим ребенком: ко времени его появления все ошибки были сделаны, уроки выучены, и его родители чувствовали себя уверенно в роли родителей. Пусть его мать была непростительно легкомысленной и непрактичной, но она знала, что сделать, чтобы ребенок отпрыгнул, и, возможно, если они пригласят ее сейчас, пока Жаклин и Джиллиан слишком малы, чтобы попасть под влияние ее идей об устройстве этого мира, им не придется звать ее позже, когда она может испортить девочек.

В нормальном состоянии Серена воспротивилась бы идее того, что свекровь будет жить с ними, вмешиваясь в заведенный порядок. Но дети кричали, а в доме все равно уже был

полный кавардак, так что ей оставалось только кивнуть.

Наутро первым делом Честер позвонил матери. Луиза Уолкотт приехала на поезде через восемь часов. По меркам любого человека Луиза была рациональной, организованной женщиной – но только не для ее сына, ведущего чрезмерно регламентированную жизнь. Луиза любила, чтобы все вокруг имело смысл и чтобы соблюдались правила. Но по меркам сына она была безнадежной мечтательницей. Она считала, что мир полон доброты; считала, что все люди хорошие – по своей сути – и только ждут удобного случая, чтобы проявить это.

От железнодорожной станции она взяла такси, потому что встречать ее означало, конечно, еще больше нарушить и без того нарушенный график. Она позвонила в дверь, потому что, конечно, давать ей ключи от дома было бы бессмысленно. Ее глаза загорелись, когда Серена открыла, держа по ребенку на каждой руке; едва ли она заметила, что ее невестка не причесана или что на воротничке ее блузки имеются пятна. То, что Серена считала самым важным на свете, для Луизы не имело никакого значения. Ее внимание было полностью приковано к детям.

– *Вот* они где, – сказала она, как будто близняшки были в многолетнем всемирном розыске.

Не дожидаясь приглашения, она проскользнула в открытую дверь, поставила чемоданы рядом со стойкой для зонтов (где они совсем *не* украшали пространство) и протянула ру-

ки к малышам.

– Пойдемте к бабушке, – сказала она.

В нормальном состоянии Серена поспорила бы. В нормальном состоянии Серена предложила бы кофе, чай, место, куда можно поставить чемоданы так, чтобы их никто не видел. Но Серена, как и ее муж, не спала как следует ни одной ночи с тех пор, как вернулась из роддома.

– Добро пожаловать в наш дом, – сказала она, без дальнейших церемоний сунула обоих младенцев Луизе в руки, развернулась и пошла наверх.

Секундой позже дверь спальни захлопнулась.

Луиза поморгала. Посмотрела на малышей. К этому моменту они перестали плакать и уставились на нее широко открытыми, любопытными глазами. Их мир был еще так ограничен, и каждый предмет в нем был новым. А бабушка была самым новым предметом из всех. Луиза улыбнулась.

– Привет, мои дорогие, – сказала она. – Теперь я с вами.

И она оставалась с ними следующие пять лет.

Дом Уолкоттов был слишком велик для двоих: Серена и Честер болтались в нем, как пара зубов в банке, лишь изредка соприкасаясь друг с другом. Но с появлением двух растущих детей и матери Честера тот же самый дом неожиданно показался слишком маленьким.

Честер говорил на работе, что Луиза – няня из солидной фирмы, которую пришлось нанять в помощь Серене, ведь у последней голова шла кругом от того, как сложно оказалось

справляться с близнецами. Он представил ее не как неопытную начинающую мамочку, но как заботливую мать, которой просто не хватает пары рук, чтобы управиться с детьми. (Идея, что этой парой рук мог бы быть он сам, так и не пришла ему в голову.)

Серена говорила на встречах правлений, что Луиза – мать мужа, которая по состоянию здоровья не может работать, но очень хочет быть полезной, пока лечится от своих многочисленных (но незаразных) болячек. Близняшки, разумеется, сущие ангелы, нигде не найти более послушных детей, но Луизе нужно *хоть чем-то* заняться, так что пусть она некоторое время поиграет в нянечку. (Идея сказать правду была просто неприемлема. Это было равносильно признанию своих ошибок, но Уолкотты *не ошибались*.)

Луиза рассказывала Жаклин и Джиллиан сказки, говорила им, какие они умные, сильные, чудесные. Она говорила им хорошенько высыпаться, вытирать слезы, а когда они немного подросли, она говорила им кушать овощи и прибираться в своей комнате, и всегда, всегда она говорила им, что она их любит. Она говорила им, что они идеальны сами по себе, как они есть, и что они не должны становиться другими в угоду кому-либо. Она говорила им, что они изменяют мир.

Честер и Серена постепенно научились различать собственных дочерей.

Жаклин, которая родилась первой, похоже, исчерпала этим весь запас храбрости; из двух близняшек она была бо-

лее нежной, робкой и всегда пропускала свою сестру вперед. Она первая научилась бояться темноты и стала требовать оставлять ночник включенным.

Ее последнюю отучили от бутылочки, но она продолжала сосать большой палец еще долгое время после того, как Джиллиан бросила это занятие.

Джиллиан, с другой стороны, будто родилась с недостатком здравомыслия. Она всем телом с энтузиазмом набрасывалась на каждую попавшуюся опасность, от лестниц до камина и двери в хозяйственные помещения. Она, как некоторые дети-торопыжки, пошла сразу, минуя предупреждающие стадии вроде ползания, и Луиза половину дня провела, гоняясь за ней по всему дому, закрывая острые углы защитой от детей, а Жаклин в это время спокойно лежала на солнышке, не обращая внимания на опасности, подстерегавшие ее сестру. (Серена и Честер, придя домой – теперь они уходили по делам ежедневно, – были возмущены, обнаружив на своей элегантной, тщательно подобранной мебели какие-то мягкие нашлепки. И только вопрос Луизы, сколько глаз они хотели бы видеть на лицах своих дочерей, сумел убедить их оставить защиту на мебели, по крайней мере на какое-то время.)

К несчастью, за умением их различать пришло желание назначить каждой свою роль. Однояйцевые близнецы вызывали тревогу у большей части населения: пока они были маленькие, было забавно наряжать их одинаково и относиться как к одному существу, не делая разницы между ними,

но по мере того, как близняшки росли, они начали нервировать людей. Похожие как две капли воды, особенно девочки – на них смотрели как на чужеродные объекты, как на что-то неправильное.

Виновата фантастика, виноваты Джон Уиндем, Стивен Кинг и Айра Левин. Но дела это не меняло: нужно было сделать дочерей непохожими друг на друга.

Джиллиан была более быстрой, раскованной и непоседливой. Серена сводила ее в парикмахерскую и привела обратно со стрижкой пикси. Честер сводил ее в универмаг и привел обратно в дизайнерских джинсах, кроссовках и пуховке, которая была ей явно великовата.

Джиллиан, которой было почти четыре и которая боготворила своих практически всегда отсутствующих родителей с той силой, на какую способны только дети, красовалась в своих новых нарядах перед завидующей сестрой, которая смотрела на нее во все глаза; Джиллиан вовсе не задумывалась, к чему приведет то, что их наконец станет различать еще кто-то, кроме них самих и Бабули Лу, которая видела разницу с самого первого дня, с того момента, как только взяла их на руки.

Жаклин была более медлительной, скромной, более осторожной. Честер дал Серене свою кредитную карту, и она отвела Жаклин в магазин – совершенно сказочный магазин, – где каждое платье было пышным и многослойным, будто свадебный торт, и украшено каскадами кружев, бантов и

сверкающих пуговичек, а все туфли были лакированными и просто *сияли*. Жаклин была достаточно умна, чтобы понимать, когда что-то идет не так, — вернувшись домой, одетая как на картинке из книги сказок, она обняла сестру и заплакала.

— Да она настоящий сорванец! — восклицали люди при виде Джиллиан, и — поскольку Джиллиан была еще в том возрасте, когда быть сорванцом это не повод для осуждения, а скорее мило, очаровательно и привлекательно, — Честер светился от гордости. Ну и что же, что у него нет сына — существуют футбольные лиги для девочек. Есть много вариантов, как она может впечатлить партнеров. Крепкая дочь всегда лучше слабого сына.

— Да она настоящая принцесса! — восклицали люди при виде Жаклин — и поскольку именно это всегда хотела слышать Серена, желая завести дочку, она жадно впитывала эти похвалы, скромно прикрывая рукой широкую улыбку. Жаклин была идеальна. Она вырастет точно такой же, как те девочки, что вдохновили Серену завести свою, только еще лучше, потому что они с Честером не совершат ошибок, которые совершают менее хорошие родители.

(Мысль о том, что они с Честером не делают никаких ошибок как родители просто потому, что они вообще ничего не делают как родители, никогда не посещала ее. Она их мама. Луиза просто нянчилась с девочками — в лучшем случае, а в худшем — дурно влияла на них. Да, пока Луиза не прие-

хала, все шло наперекосья, но это просто потому, что она была вымотана родами. Чуть больше времени, и, если бы не Луиза, перетянувшая на себя одеяло, Серена освоила бы все необходимые тонкости дела. Да, так и было бы.)

Когда близняшкам исполнилось четыре с половиной года, их стали водить в садик на полдня. Они уже были достаточно большие, чтобы вести себя прилично на людях; достаточно большие, чтобы заводить нужных друзей, устанавливать нужные связи. В первый день, пока Луиза собирала их, Джиллиан, которая была храброй внутри родного дома и боялась всего снаружи, плакала. А Жаклин, с ее бесконечно пытливым умом и жаждой узнать гораздо больше того, что мог вместить один дом, – нет. Стоя в пышном розовом платье и туфельках в тон, она молча и терпеливо наблюдала, как Бабуля Лу успокаивает ее сестру. Ей не приходило в голову ревновать. Да, сестре сейчас уделялось больше внимания, но она знала, что это означает, что позже Бабуля Лу найдет повод и они что-то сделают вдвоем, только с Жаклин. Бабуля Лу всегда знала, когда одна из близняшек была обделена вниманием, и всегда старалась компенсировать это, чтобы избежать дисбаланса.

– Придет день, когда все, что будет у каждой из вас, – только вы сами, – так она говорила всякий раз, когда одна из близняшек беспокоилась, что другая что-то получила, а она нет. – Не забывайте об этом.

Итак, они пошли в детский сад и держались друг за друж-

ку, пока страхи Джиллиан не развеяла воспитательница – она пахла ванилью, и у нее были красивая юбка и красивая улыбка. Тогда Джиллиан отпустила Жаклин и убежала играть с мальчишками, которые нашли красный резиновый мяч, а Жаклин переместилась в угол, занятый девочками, чьи красивые платица были настолько тесными, что им только и оставалось, что стоять в кружочке и восхищаться друг другом. Они были маленькие. Они были застенчивые. Они стояли в углу, словно стайка ярких птиц, косились друг на друга и наблюдали, как более свободные, шумные дети кувыркаются и катаются по полу; но если девочки и завидовали им, никто из них не сказал об этом.

Но тем вечером, вернувшись домой, Жаклин запихнула свое платье подальше под кровать, где его нашли уже тогда, когда она давно из него выросла, а Джиллиан села в углу, обложившись куклами, и отказалась разговаривать со всеми, даже с Бабулей Лу. Мир менялся. Им не нравилось это. Они не знали, как это остановить.

В день, когда Джиллиан и Жаклин исполнилось пять, им испекли трехъярусный торт, украшенный розовыми и бордовыми розами и съедобными блестками. На заднем дворе им устроили вечеринку – там были надувной замок и заваленный подарками стол, вся их группа из детского сада, а также все дети, чьи родители работали или в фирме Честера, или в правлениях, куда входила Серена. Многие из них были старше близняшек и образовали свои группки по углам дво-

ра или даже внутри дома, куда не долетали визги младших.

Джиллиан нравилось, что все ее друзья здесь, в ее собственном дворе, где она знает рельеф газона и расположение всех разбрызгивателей. Она носилась вокруг как дикая, смеясь и вопя, и они носились вместе с ней, потому что только так они умели играть.

В основном это были мальчики, еще слишком маленькие, чтобы считать девочек «чумными» и выучить фразу «девченок не приглашали». Луиза, слегка нахмурившись, наблюдала за происходящим с заднего крыльца. Она знала, насколько жестокими могут быть дети и насколько роль Джиллиан навязана ей родителями. Год-другой – правила игры изменятся, и Джиллиан останется без друзей.

Жаклин держалась подальше от этих игр и поближе к Бабуле, переживая, как бы не запачкать свое красивое платье, которое выбиралось специально для этого события и которое ей строго-настрого велели сохранить в полном порядке. Жаклин не знала почему – Джиллиан без конца изгваздывала свою одежду, и все всегда отстирывалось, так почему бы не отстирать ее платья? – но была уверена, что тому есть причина. Причина была всегда, просто родители никогда не могли ей ее объяснить.

Честер управлялся с барбекю, демонстрируя свое мастерство повара и кормильца. Неподалеку сидели его бизнес-партнеры, потягивая пиво и болтая о работе. Ему казалось, что он вот-вот лопнет от гордости. Вот он в собствен-

ном доме, теперь он отец, и вот они, люди, на которых он работает, видят, какая у него замечательная семья. Им с Сереной нужно было завести детей раньше!

– Твоя дочь – натуральная задира, а, Уолкотт?

– Это точно. – Честер перевернул бургер.

(Людей, которые зарабатывали на жизнь изготовлением бургеров, Честер называл «бургершлепами» и смотрел на них свысока, однако сейчас это его совершенно не смущало, собственно, как и всех окружающих.)

– Похоже, она будет довольно шустрой, когда станет постарше. Мы уже присматриваемся к детским футбольным лигам. Вот увидите, в будущем она станет спортсменкой.

– Моя жена убила бы меня, если бы я попытался надеть на дочь штаны и отправить играть с мальчишками, – сказал другой партнер с горькой усмешкой. – Тебе повезло, родить сразу двоих – это то что нужно.

– Абсолютно верно, – ответил Честер, будто все так и планировалось.

– А что за старушка рядом с твоей второй дочкой? – спросил главный партнер, кивая в сторону Луизы. – Это та самая няня? Она выглядит немного... э-э... Ты не думаешь, что она может уставать, постоянно гоняясь за двумя растущими девицами?

– Пока она отлично справляется, – ответил Честер.

– Что ж, держи ухо востро. Знаешь, что говорят о старушках: и глазом моргнуть не успеешь, как уже не она возится с

твоими детьми, а ты возишься с ней.

Честер перевернул другой бургер и ничего не сказал.

На противоположной стороне двора, рядом с красивым, посыпанным сахарной пудрой тортом, Серена порхала среди роя воркующих светских дам и ощущала себя уютно, как никогда раньше, – она наконец заняла положенное ей место в обществе. Вот он, ответ – дети. Жаклин и Джиллиан открывали последние двери, что еще оставались между ней и настоящим социальным успехом, главным образом Жаклин, как ей казалось, которая была ровно такой, какой и должна быть юная леди – тихой, нежной и все более вежливой с каждым годом. Что говорить, иногда Серена забывала, что Джиллиан тоже девочка, настолько сильным был контраст между детьми.

Некоторым женщинам, с которыми она работала, было не по себе от того, насколько жестко она ограничивала Жаклин – обычно это были женщины, которые называли ее дочь Джек и позволяли ей играть в салочки по влажной траве или гладить чужих собак (а потом приходилось вычищать платья от шерсти). Как только Серена чуяла такую женщину, она потихоньку начинала методично перемещать нужное имя вниз по спискам приглашенных гостей на мероприятия, которые она контролировала, пока имя вовсе не исчезало. Оставшиеся быстро смекнули что к чему, и какие-либо критические высказывания прекратились. Что хорошего в том, чтобы высказать свое мнение, если это приведет к потере места в об-

ществе? Нет. Пусть лучше рот будет закрытым, а возможности – открытыми, так всегда говорила Серена. Она обвела взглядом двор, выискивая Жаклин.

Джиллиан найти было легко: как всегда, она была в центре в высшей степени кошмарного хаоса. Обнаружить Жаклин было труднее. Наконец Серена засекла ее за спиной Луизы – та жалась к бабушке, будто только ей единственной она могла доверить свою безопасность. Серена нахмурилась.

Вечеринка удалась на славу, как полагается: торт был съеден, подарки открыты, шишки набиты, были содраны две колленки (у двух разных детей), испорчено одно платье, и один перевозбужденный малец не успел добежать до уборной, и его вырвало клубничным мороженым и ванильным кексом прямо посреди холла. С наступлением ночи Жаклин и Джиллиан надежно укрылись в своей комнате, а Луиза заваривала себе чашечку чая. Она слышала шаги за спиной. Она повернулась и нахмурилась.

– Говорите покороче, – сказала она. – Вы же знаете, как волнуется Джилл, если меня нет в комнате, когда она приходит за поцелуем на ночь.

– Ее зовут Джиллиан, мама, а не Джилл, – сказал Честер.

– Это ты так зовешь ее, – ответила Луиза.

Он вздохнул:

– Пожалуйста, не усложняй все еще больше.

– Что именно?

– Мы хотим поблагодарить тебя за время, которое ты по-

святила нашим детям, – сказал Честер. – Поначалу с ними было столько хлопот. Но сейчас, полагаю, мы вполне можем справиться сами.

«Пять лет – это не значит конец хлопотам, мой мальчик», – подумала Луиза, но вслух сказала:

– Вы так считаете?

– Да, – сказала Серена. – Огромное спасибо за все, что вы сделали. Вам не кажется, что вы заслужили возможность отдохнуть?

– Нет ничего утомительного, когда заботишься о детях, которых любишь как своих собственных, – сказала Луиза, но она уже понимала, что проиграла.

Она сделала все что могла. Она старалась побуждать обеих девочек быть самими собой и не срастаться с теми ролями, которые с каждым годом все настойчивее навязывали им родители. Она старалась внушить им, что есть сотни, тысячи, миллионы различных вариантов, как можно быть девочкой, и каждый из этих вариантов приемлем, и в том, чтобы быть такой, какой хочется, нет ничего плохого. Она старалась.

Удалось ей это или нет, практически не имело значения, потому что здесь и сейчас стоял ее сын со своей женой, и ей предстояло оставить этих драгоценных детей в руках людей, которые не нашли времени узнать о них хоть что-нибудь, кроме самых общих, поверхностных вещей.

Они не знали, что Джиллиан была храброй, потому что

чувствовала, что Жаклин где-то рядом, а у Жаклин, что бы ни случилось, всегда найдется тщательно продуманный план действий. Они не знали, что Жаклин осторожничает, потому что ей забавно наблюдать, как мир взаимодействует с ее сестрой, и она считает, что на брызги лучше смотреть со стороны, вне радиуса их разлета – так лучше видно. (Также они не знали, что из-за них и их постоянных напоминаний, чтобы она не замарала платья, слишком модные для ее возраста, у нее постепенно развивался ужас перед грязными руками. Но им было бы все равно, если бы она сказала им об этом.)

– Мама, пожалуйста, – сказал Честер, и это значило: она проиграла.

Луиза вздохнула.

– Когда вы хотите чтобы я уехала? – спросила она.

– Будет лучше, если вы уедете до того, как они проснутся, – сказала Серена, вот и все.

Луиза Уолкотт исчезла из жизни своих внуков так же легко, как появилась, превратившись в далекое имя, что присылает открытки на день рождения и подарки при случае (которые по большей части изымались сыном и невесткой), и для девочек это стало еще одним, окончательным и неопровержимым доказательством, что взрослым никогда-никогда нельзя доверять. У девочек были уроки и похуже.

Этот, по крайней мере, мог бы однажды спасти им жизни.

3. Они растут так быстро...

В шесть они пошли в подготовительную группу, где Жаклин узнала, что девочки, которые каждый день носят платья с оборками, слишком много воображают и им нельзя доверять, а Джиллиан узнала, что девочки в штанах, повсюду бегающие с мальчишками, – по меньшей мере чудачки.

В семь они пошли в первый класс, где Джиллиан узнала, что, оказывается, от того, что она возится с мальчишками, она «чумная» и воняет и никто не хочет с ней играть, а Жаклин узнала, что, если она хочет кому-то понравиться, достаточно улыбнуться и сказать: «Какие красивые у тебя туфли!»

В восемь они пошли во второй класс, где Жаклин узнала, что, когда ты красивая, никто не ждет, что ты будешь умной, а Джиллиан узнала, что все в ней неправильно – от одежды, которую она носит, до передач, которые смотрит.

– Наверное, *ужасно*, когда у тебя сестра такая курица, – говорили Жаклин одноклассницы, и она смутно чувствовала, что должна бы защитить сестру, но не знала как.

Родители никогда не учили ее преданности, не учили заступаться за кого-то, или стоять на своем, или просто сидеть (если сидеть, можно помять платье). Так что она немного ненавидела Джиллиан за ее чудачества, которые усложняли ей жизнь; она не принимала во внимание тот факт, что все это время родители не оставляли им никакого выбора.

– Наверное, классно, когда у тебя сестра такая красotka, – говорили Джиллиан одноклассники (по крайней мере те, кто еще разговаривал с ней – те, кто уже переболел «любовной чумой», уже начали понимать, что девочки – просто элемент декора, больше от них ждать нечего).

Джиллиан разбирала себя по кусочкам, силясь выяснить, как так получается, что у нее с сестрой одно лицо, одна спальня, одна жизнь, но сестра – «такая красotka», а она просто Джиллиан, никому не нужная, нежеланная и все чаще уже не «сорванец», а «чудачка». По ночам они лежали в своих узких, стоящих бок о бок кроватях и ненавидели друг друга так горячо, как это бывает только между братьями и сестрами, каждый из которых мечтает, чтобы у него было

все то, что есть у другого. Жаклин мечтала бегать, играть, быть свободной. Джиллиан мечтала нравиться, быть красивой; она мечтала, чтобы ей было позволено смотреть и слушать, а ее вместо этого все время заставляли двигаться. Каждая из них мечтала, чтобы люди *видели* их *самих*, а не представления о них, навязанные им извне.

(Этажом ниже Честер и Серена мирно спали, не тревожась о своем выборе. У них было две дочери, у них было две девочки, из которых они могли лепить все, что пожелают. Мысль о том, что они могут навредить им, загоняя в узкие рамки представлений о том, какой должна быть девочка – или человек, – ни разу не возникла в их сознании.)

Ко времени, когда девочкам исполнилось двенадцать, любой человек, поглядев на них, легко формировал мнение – быстрое и неверное – о том, что они представляют из себя. Жаклин – *никогда* Джек; имя Джек будто нож: короткое, острое, режущее слух, без полагающихся такой девочке, как она, рюшей и благоуханий – была остра на язык и вспыльчива, ее окружали подхалимы, стекающиеся к ней со всей школы, жаждущие погреться в мимолетном тепле ее благосклонности. Большинство учителей полагали, что она умнее, чем хочет казаться, но на практике никто не смог добиться, чтобы она выказала свои способности. Она слишком боялась испачкаться – пальцы карандашом или мелом кашемировый свитер. Она будто бы боялась, что ее ум – словно платье, которое невозможно отстирать, и она не хотела запятнать его

фактами, которые впоследствии окажутся негодными.

(Женщины из правлений, куда входила Серена, говорили, как ей повезло, какая она счастливая, и шли домой со своими дочерьми, и меняли их нарядные платья на джинсы, и вовсе не задумывались о том, что у Жаклин Уолкотт такой возможности просто нет.)

Джиллиан была сообразительной и сдержанной, она стремилась угодить другим, но постоянно страдала оттого, что ее отвергали, и снова отвергали, и снова отвергали. Девочки не хотели иметь с ней ничего общего – называли ее слишком грязной оттого, что проводит так много времени, играя с мальчиками, говорили, что она сама хочет быть мальчиком и поэтому не носит платья и коротко стрижется. Мальчики уже стояли на пороге полового созревания – со всех сторон их осаждали собственные противоречивые желания, – так что они тоже не хотели иметь с ней ничего общего. Она не была достаточно красивой, чтобы с ней стоило целоваться (хотя некоторые из них задавались вопросом, как же так, ведь она как две капли воды похожа на самую красивую девочку в школе), кроме того, она была девочкой, а родители стали запрещать мальчикам играть с девочками. И они, один за другим, отсекали ее от себя, оставляя в одиночестве, озадаченную и напуганную тем, как меняется мир.

(Партнеры по бизнесу говорили Честеру, как ему повезло, какой он счастливый, и шли домой к собственным дочерям, и смотрели, как они носятся по двору, играя в те игры,

которые сами выбрали, и вовсе не задумывались о том, что у Джиллиан Уолкотт просто нет возможности выбрать занятие по душе.)

Девочки по-прежнему жили в одной комнате; девочки по-прежнему дружили, хотя пространство между ними скорее напоминало минное поле обид и неприязни, готовое взорваться в любую минуту. С каждым годом все труднее было помнить, что когда-то они были единым целым и что ни одна из них не выбирала свой образ жизни. Все было определено за них. Это было неважно.

Подобно бонсаю, которому придает форму усердный садовник, они росли соответственно геометрии родительских желаний, все сильнее и сильнее отдаляясь друг от друга. Однажды, возможно, одна из них соберется и протянет руку через пропасть, но с другой стороны уже никого не будет.

Они не знали, что будут делать, когда это случится.

В тот день, когда на самом деле началась наша история (ведь написанное выше не похоже на начало! Конечно, все это было нужно, только чтобы объяснить, почему случилось то, что случилось, – что случившееся было так же неизбежно, как молния вслед за громом), пошел дождь.

Нет. Не дождь. Это был ливень; вода извергалась с неба, будто предвестник потопа. Жаклин и Джиллиан сидели в своей комнате, каждая на своей кровати, и тишина в комнате просто звенела от напряжения.

Жаклин читала книгу о модных девочках, затевающих

модные авантюры в модной школе, и думала, что в жизни ничего скучнее не читала.

Время от времени она бросала взгляды на окно, всматриваясь в дождь. Если бы небо прояснилось, она могла бы прогуляться вниз по улице до своей подруги.

Они с Брук могли бы красить друг дружке ногти и разговаривать о мальчиках – тема, которая попеременно то привлекала Жаклин, то отвращала, словно вода из-под грязной посуды, но Брук обращалась к этой теме с неизменным энтузиазмом. Это было бы *хоть что-то*.

Джиллиан, которая собиралась провести день на футбольной тренировке, сидела на полу возле своей кровати и хандрила так активно, что казалось, будто с ее половины комнаты расползаются тучи. Ей нельзя было спуститься вниз посмотреть телевизор: никаких телевизоров до четырех – ни на выходных, ни в дождливый день, – и все свои книги она перечитала уже по десять раз. Она попыталась заглянуть в одну из книжек Жаклин – про модных девочек, – но быстро пришла в растерянность от количества способов, которыми автор описывал их прически.

В конце концов, наверное, есть вещи похуже скуки.

Когда Джиллиан вздохнула в пятый раз за пятнадцать минут, Жаклин отложила книгу и уставилась на сестру.

– В чем дело? – требовательно спросила она.

– Мне скучно, – скорбно ответила Джиллиан.

– Почитай.

– Я уже все перечитала.

– Почитай какую-нибудь из моих книжек.

– Мне не нравятся твои книги.

– Иди посмотри телевизор.

– Мне еще час нельзя.

– Поиграй в лего.

– Что-то не хочется. – Джиллиан тяжело вздохнула, откинула голову назад, уперев макушку о край кровати. – Мне *скучно*. Мне очень, *очень* скучно.

– Не следует так часто говорить слово «очень», – сказала Жаклин, подражая матери. – Это бессмысленное слово. Можно обойтись без него.

– Но это правда. Мне *очень-очень-очень* скучно.

Жаклин колебалась. Иногда самым правильным было подождать: Джиллиан могла на что-нибудь отвлечься, и все снова стало бы тихо-мирно. Но порой единственным способом справиться с ней было предложить ей какое-нибудь занятие. Потому что, если ничего не предложить, она могла сама найти себе занятие, и обычно оно было шумным, грязным и разрушительным.

– А чем тебе хочется заняться? – наконец спросила она.

Джиллиан с надеждой посмотрела на нее. Дни, когда сестра часами охотно играла с ней, канули в Лету, как бейсболка, которую она надела, когда пошла кататься с отцом на ярмарочных каруселях прошлым летом. Ветер унес кепку, время унесло желание сестры играть с ней в прятки, или в вооб-

ражаемые миры, или в разное другое, что их мама считала нечистоплотным.

– Мы могли бы пойти на чердак, – в конце концов сказала она робко, изо всех сил стараясь, чтобы сестра не услышала в ее голосе надежду на положительный ответ. Надежда обычно приносит боль. Джиллиан терпеть не могла надеяться.

– Там могут быть пауки, – сказала Жаклин. Она сморщила нос, не столько от настоящего отвращения, сколько оттого, что знала, что пауки *должны* казаться ей отвратительными.

На самом деле они казались ей вполне очаровательными. Они были ухоженные, чистые и изящные, а когда их паутина приходила в негодность, они срывали ее и плели новую. Люди могли бы многому научиться у пауков.

– Если они там будут, я тебя защищу от них, – ответила Джилл.

– У нас могут быть неприятности.

– Буду отдавать тебе свои десерты три дня, – сказала Джилл. И, видя, что Жаклин не поддается, добавила: – И неделю мыть твою посуду.

Жаклин *ненавидела* мыть посуду. Из всех домашних дел, которые им иногда поручали, это было самое худшее. Сама по себе грязная посуда уже была достаточно неприятна, но вода из-под грязной посуды... это все равно что сделать собственное болото и *играть* в нем.

– Договорились, – сказала она, чинно отложила книгу в сторону и соскользнула с кровати.

Джиллиан удалось не захлопать от радости; она вскочила, схватила сестру за руку и потащила ее прочь из комнаты. Пришло время приключения. Она даже не представляла, насколько оно окажется большим.

Дом Уолкоттов был все еще слишком велик для такого количества проживающих человек: он был достаточно велик, чтобы у Жаклин и Джиллиан, если бы они захотели, могли быть свои комнаты и они вообще не виделись бы друг с дружкой – разве что за ужином. С самого начала года они начали беспокоиться, не будет ли это их подарком на предстоящий день рождения: отдельные комнаты, одна розовая, одна голубая – идеально приспособленные их родителями для детей из своего воображения, а не для них реальных. Несколько последних лет они отдалялись друг от друга, следуя намеченным для них маршрутам. Иногда они ненавидели друг друга, иногда любили, но обе в глубине души знали, что раздельные комнаты станут сокрушительным ударом. Они всегда будут близнецами. Они всегда будут сестрами. Но уже никогда – подругами.

Наверх они поднялись рука об руку; Джиллиан, как было заведено, тянула сестру за собой, как на буксире, а Жаклин подмечала окружающие детали, готовая оттащить сестру в случае опасности. Мысль, что в своем доме они в безопасности, ни разу не пришла им в голову. Если бы их заметили – если бы родители вышли из комнаты и увидели их, передвигающихся по дому вместе, – их непременно разлучили

бы: Джиллиан отправили бы играть в лужах на заднем дворе, а Жаклин вернули бы в комнату читать книжки и сидеть тихо и не шебуршать. Девочки начинали смутно, неясно чувствовать, что их родители что-то делают не так. Обе видели детей, которые были такими, какими и должны быть: девочек, которые любили красивые платья и тихие игры, или девочек, которые любили с криками бегать по грязи и пинать мяч. Но еще они знали девочек, которые носили платья, но при этом не покидали площадку с тетерболом, и девочек, одетых в джинсы и кроссовки, но приходивших в школу с рюкзаками, полными кукол в блестящих нарядах.

Они знали мальчиков, которым нравилось быть чистыми и аккуратными, или которым нравилось сидеть над раскрасками, или тех, кто присоединялся в уголке к девочкам с рюкзаками, полными кукол. Другим детям позволялось быть разными: грязными *и* чистыми, шумными *и* вежливыми, — а они должны были соответствовать только одному образу, и не имело значения, насколько это тяжело, не имело значения, насколько сильно им хочется побыть другими.

Было довольно неуютно чувствовать, что их родители не делают того, что было бы лучше для них; чувствовать, будто этот дом, этот огромный, идеально обустроенный дом, с его чистыми, со вкусом обставленными комнатами, дюйм за дюймом выдавливает из них жизнь. И если они не найдут выход, то превратятся в бумажных кукол, плоских и безликих, которых родители будут одевать, как захотят.

Наверху лестницы была дверь, через которую им не полагалось проходить, ведущая в комнату, которую им не полагалось помнить. Там, когда они были маленькие, жила Бабуля Лу — до того, как с ними стало слишком много хлопот и она перестала их любить. (По крайней мере, так говорила мама, и Джиллиан верила этому, потому что Джиллиан знала, что любовь всегда относительна: в любви всегда, всегда есть какой-то подвох. Жаклин, которая была рассудительнее и видела немного больше того, чем ей полагалось видеть, не была так уверена.) Дверь всегда была заперта, но после того, как Бабуля Лу уехала, ключ бросили в кухонный шкаф, на полку со всякой всячиной, и Жаклин потихому стащила его на их седьмой день рождения, когда она наконец почувствовала в себе достаточно смелости, чтобы вспомнить бабушку, которая любила их не так сильно, чтобы остаться.

С тех пор, когда им нужно было спрятаться от родителей в таком месте, куда Честер и Серена ни за что не догадались бы заглянуть, они пробирались в комнату Бабули Лу. Там все еще стояла кровать; ящики комода, когда их открывали, пахли ее духами, и она оставила в шкафу большой старый сундук, забитый одеждой и бижутерией — она откладывала все эти вещи для своих внучек в преддверии дня, когда они подрастут, начнут играть в разные игры и устраивать показ мод — а она играла бы роль благодарного зрителя. Именно этот сундук убедил их обеих в том, что Бабуля Лу не всегда собиралась уезжать. Может быть, она перестала любить их, а

может быть, и нет, но когда-то она точно собиралась остаться. И то, что кто-то собирался остаться ради них, было важнее всего на свете.

Жаклин отперла дверь и опустила ключ в карман, где он был в полной безопасности, потому что она никогда ничего не теряла. Джиллиан открыла дверь и, убедившись, что родители не поджидают их там, первой шагнула за порог, потому что она всегда первой заходила в комнату. Затем они закрыли за собой дверь и наконец-то оказались в безопасности, настоящей безопасности, без навязанных ролей, следуя только тем, что выбирали себе сами.

– Чур, пиратский меч – мой, – возбужденно заявила Жаклин, побежала к шкафу, взялась за крышку сундука и откинула ее. И тут же замерла, воодушевление сменилось замешательством. – Куда подевалась одежда?

– Что? – Джиллиан вслед за сестрой заглянула в сундук. Вся одежда, все костюмы и украшения исчезли, а вместо них появилась деревянная винтовая лестница, ведущая вниз, вниз и вниз, куда-то в темноту.

Если бы Бабуле Лу позволили остаться с ними, они, возможно, прочитали бы больше сказок и услышали бы больше историй о детях, которые открывали двери в одном месте, а попадали в другое. Если бы им позволили расти сообразно собственному пути, прислушиваясь к собственным желаниям, они, возможно, знали бы про Алису, Питера и Дороти – всех детей, которые сбились с пути и заблудились в иной,

сказочной стране.

Но, по мнению Серены, сказки были излишне кровавы и жестоки, а по мнению Честера, детские книжки были слишком мягки и причудливы, и вот так и вышло, как бы это невероятно ни звучало, что Жаклин и Джиллиан так и не пришел в голову вопрос, что может скрываться за дверью, которой там быть не полагается.

Обе они смотрели на эту невозможную лестницу и были слишком озадачены и взволнованы, чтобы испугаться.

– В последний раз лестницы не было, – сказала Джиллиан.

– Может, она была, просто ее закрывала одежда, – сказала Жаклин.

– Тогда одежда провалилась бы, – возразила Джиллиан.

– Не будь душой, – сказала Жаклин. (Но замечание Джиллиан было верным, не правда ли? Если бы в сундуке всегда была эта лестница, тогда все, что оставила им Бабуля Лу, упало бы вниз. Разве что...) – У сундука есть крышка, – сказала она. – Может быть, на дне была вторая крышка, и она открылась, и все вещи свалились вниз по лестнице.

– О, – сказала Джиллиан. – И что же нам делать?

У Жаклин возникло смутное предчувствие, что эта дверь может оказаться не просто загадкой, она может обернуться новой *возможностью*. Родители не знали, что в старом шкафу Бабули Лу спрятана лестница. Они не могли знать. Потому что если бы они *знали*, то положили бы ключ в более труднодоступное место, чем на кухонную полку для всякой

всячины. Лестница выглядела пыльной, будто многие годы по ней никто не ходил, а Серена *ненавидела* пыль, и это означало, что она не знала о существовании лестницы. Если Жаклин и Джиллиан спустятся по этой лестнице, предположим, они могут попасть в какое-то тайное место. В новое место. В такое место, где их родители никогда не были, а значит, они не могли установить там свои необъяснимые взрослые правила.

– Нам нужно пойти, и найти все эти вещи, и принести их обратно, чтобы не вышло, будто мы устроили беспорядок в комнате Бабули Лу, – сказала Жаклин, как будто это была самая разумная идея на свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.